

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ: КАНТ, РОЛЗ И УСТАВ ООН

Николай Александрович Шавеко

*Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия
shavekonikolai@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>*

Аннотация. Предлагается выделить теорию международной справедливости в качестве комплексного направления исследований, находящейся на стыке политологии, юриспруденции и философии. В качестве пролегомены как таковой рассматриваются статьи договора о вечном мире, сформулированные И. Кантом, принципы права народов, предложенные Дж. Ролзом, а также основные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН и других международных документах. Осуществляется сравнительный и нормативный анализ трех указанных наборов принципов международного порядка, выявляются их общие и особенные черты, достоинства и недостатки. В заключение делается вывод, что принципы международного устройства, предлагаемые Кантом и Ролзом, а также образующие дух действующего международного права, в значительной мере схожи, а их различия обуславливаются различной постановкой вопроса (отсюда различные субъекты, к которым применяются принципы, и различный предмет регулирования). Высказывается тезис, вопросы справедливости на международном уровне касаются самых различных ситуаций, поэтому теория международной справедливости не должна быть ограничена ни конкретной проблематикой, ни субъектным составом. При этом дальнейшие исследования предлагается осуществлять на основе предложенных Ролзом методов «исходного положения» и «рефлексивного равновесия», в отрыве от каких-либо всеобъемлющих доктрин, однако в качестве сторон, принимающих участие в выработке принципов международной справедливости в «исходном положении», предлагается мыслить индивидов, а не государства.

Ключевые слова: Кант, Ролз, ООН, *jus cogens*, принципы международного права, право народов, вечный мир, справедливость

Для цитирования Шавеко Н. А. Принципы международной справедливости: Кант, Ролз и Устав ООН // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 112–120.

Research article

PRINCIPLES OF INTERNATIONAL JUSTICE: KANT, RAWLS AND THE UN CHARTER

Nikolai A. Shaveko

*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia
shavekonikolai@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>*

Abstract. It is proposed to single out the theory of international justice as a comprehensive research area located at the intersection of political science, jurisprudence and philosophy. As a prolegomena to such, the articles of the treaty on perpetual peace formulated by I. Kant, the principles of the law of peoples proposed by J. Rawls as well as the basic principles of international law enshrined in the UN Charter and other international documents are considered. A comparative and normative analysis of the three mentioned sets of principles of the international order is carried out, as well

as their common and special features, advantages and disadvantages are revealed. It is concluded that the main ideas proposed by Kant and Rawls, as well as by current international law, are largely similar, and their differences are due to the different formulation of the issue (hence the different subjects to which the principles are applied, and the different subject of regulation). The thesis is expressed that the issues of justice at the international level relate to a wide variety of situations, therefore the theory of international justice should not be limited to either specific issues or set of subjects. At the same time, further research is proposed to be carried out on the basis of the "original position" and "reflexive equilibrium" methods proposed by Rawls, in isolation from any comprehensive doctrines, however, it is proposed to think parties involved in the development of the principles of international justice in the "original position" as individuals, not states.

Keywords: Kant, Rawls, UN, jus cogens, principles of international law, law of peoples, perpetual peace, justice

For citation: Shaveko NA. Principles of international justice: Kant, Rawls and the UN Charter. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2022;(2):112-120. (In Russ.)

Введение

Каковы принципы справедливого общественного устройства? Данный вопрос занимал и занимает многих мыслителей, однако исследуется обычно в различных, зачастую не связанных между собой дискурсах (политологами, юристами, философами и т. д.). Вместе с тем, если поставленный вопрос един для различных дисциплин, то есть смысл выделения некоторой комплексной дисциплины — теории справедливости. В настоящей статье мы предлагаем поставить указанный вопрос на глобальном уровне. В этом случае он мог бы составлять предмет своего рода «теории международной справедливости» (как раздела теории справедливости в целом) и выглядеть так: каковы принципы справедливого международного устройства?

В рамках данной статьи будет проанализировано три источника, от которых можно отталкиваться в дальнейших нормативных исследованиях этого вопроса, и которые на сегодняшний день являются, пожалуй, наиболее известными. Эти источники следующие: 1) трактат «О вечном мире» (1795) И. Канта, 2) лекция «Право народов» Дж. Ролза (1993); 3) Устав ООН (1945), а также связанные с ними другие правовые документы, которые также содержат основные принципы международного права (Декларация о принципах международного права 1970 г., Хельсинский заключительный акт СБСЕ 1975 г.).

Таким образом, идея статьи заключается в том, чтобы, с одной стороны, взять существующие основные принципы международного права в качестве кандидатов на роль принципов международной справедливости (в этом случае мы предполагаем нормативную обоснованность данных принципов и, соответственно, заложенного Уставом ООН международного правопорядка), а с другой стороны, рассмотреть

две философские системы, которые также предлагают свои принципы международного устройства, за авторством соответственно Канта (1795) и Дж. Ролза (1993), сопоставить их с основными принципами международного права и тем самым проблематизировать нормативную обоснованность последних.

Обычно выделяют десять основных принципов международного права, а именно:

1. Неприменение силы и угрозы силой.
2. Разрешение международных споров мирными средствами.
3. Невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств.
4. Обязанность государств сотрудничать друг с другом.
5. Равноправие и самоопределение народов.
6. Суверенное равенство государств.
7. Добросовестное выполнение обязательств по международному праву.
8. Нерушимость государственных границ.
9. Территориальная целостность государств.
10. Уважение прав человека и основных свобод.

Несколько предварительных замечаний. Кант имел целью выработать не столько принципы справедливого международного правопорядка, сколько условия прекращения войн, при этом он творил за 150 лет до принятия Устава ООН, когда мир еще не мыслил в категориях ограниченного суверенитета и прав человека. В свою очередь Устав ООН и современное международное право в целом закрепляют основные принципы международного правопорядка (претендующие в том числе и на моральную значимость), при этом предполагается, что для прекращения войн требуется ограничение суверенитета (в том смысле, что независимость государства во внешних

делах и его верховенство во внутренних делах ограничивается основными принципами международного права, включая уважение прав человека). Как указывал Ю. Хабермас, Кант в своем проекте не учел опасность «взрывчатого потенциала национализма» суверенных государств и односторонний характер перспективы развитых европейских христианских государств. Ужасы Второй мировой войны, международный терроризм, а также процессы глобализации поставили суверенитет государств и безответственность их правителей (на которых настаивал Кант) под сомнение, создав «постнациональную ситуацию» [1, с. 14, 17]. Но решения, связанные с вмешательством в политику суверенных государств, по мнению Хабермаса, должны приниматься не какой-либо сверхдержавой единолично, а коллективно, по результатам всесторонних обсуждений [1, с. 18]. Ролз, в свою очередь, уже имел перед собой определенный опыт реализации основных принципов международного права, и попытался обосновать их через конструкцию обсуждения в «исходном положении», то есть некоторой гипотетической ситуации за «занавесом неведения». Иными словами, принципиальное отличие подхода Ролза состоит в том, что он рассматривает свои принципы как принятые не в конкретных исторических условиях, а в абстрактном мыслительном эксперименте. Понятно, однако, что в этом мыслительном эксперименте должен учитываться весь накопленный человеческий опыт, но в «обезличенной» форме.

Кант и Устав ООН. Итак, в трактате «О вечном мире» (1795) И. Кант ставит перед собой задачу выработать условия такого договора, который, будучи заключенным между государствами, прекратил бы все войны между ними. Организация объединенных наций, созданная как реакция на Вторую мировую войну, и в Уставе (1945) которой зафиксированы основные принципы международного права, имела совершенно тот же посыл. И статьи договора о «вечном мире», и основные принципы международного права сформулированы абстрактно, но исходят из конкретных исторических условий.

В результате Кант приходит к следующим статьям [2, с. 6–26].

Во-первых, это шесть «предварительных статей», которые должны быть исполнены для того, чтобы был установлен мир, и появилась возможность договариваться об обеспечении «вечного» характера этого мира:

1. Ни один мирный договор не должен считаться таковым, если при его заключении тайно сохраняется основание для будущей войны.

2. Ни одно самостоятельное государство (большое или малое — это безразлично) не должно быть приобретено другим государством ни по наследству, ни в обмен, ни куплей, ни в виде дара.

3. Постоянные армии должны со временем полностью исчезнуть.

4. Государственные долги не должны использоваться для внешнеполитических дел.

5. Ни одно государство не должно насильственно вмешиваться в политическое устройство и правление других государств.

6. Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем состоянии мира, как, например, засылка убийц из-за угла, отравителей, нарушение условий капитуляции, подстрекательство к измене в государстве неприятеля и т. д.

Во-вторых, это три «окончательных статьи»:

1. Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским.

2. Международное право должно быть основано на федерализме свободных государств.

3. Право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего гостеприимства.

Что общего здесь с Уставом ООН? Предварительная статья № 2 у Канта, в сущности, является требованием государственного суверенитета (впрочем, по мнению некоторых исследователей, аналоги в Уставе ООН у нее отсутствуют, а гл. 12 Устава ООН даже противоречит ей [3, р. 66]), в то время как равенство государств (всё же, сегодня мы имеем принцип, объединяющий вместе суверенитет и равенство государств!) нигде философom не выражено, а только предполагается как само собой разумеющееся.

В свою очередь самоопределение народов у Канта невозможно вне идеи государства, поэтому оно есть лишь предпосылка договора о вечном мире, а не само его требование [4, с. 48] (как и впоследствии у Ролза). И Кант и Ролз ставили вопрос о том, к каким принципам должны прийти уже самоопределившиеся народы, поэтому сам по себе вопрос самоопределения остался у них почти не рассмотренным. Некоторые места в трактате Канта позволяют заключить, что право на самоопределение он отвергает. Философ, в частности, указывает, что если вдруг государство распалось на две части (фактически речь идет о том, что внутри государства самоопределился какой-то новый народ), то другие государства имеют право вмешаться, чтобы

восстановить статус-кво [2, с. 10]. Но и современное международное право также исходит из того, что право на самоопределение народов не должно трактоваться как нарушающее принцип территориальной целостности (см. Декларацию о принципах международного права 1970 г.). Поэтому корректнее говорить, что Кант практически не касался вопроса о праве народов на самоопределение, а не что он это право отрицал.

Предварительная статья 5 у Канта тождественна принципу невмешательства во внутренние дела государств, хотя философ, как мы указали ранее, допускал вмешательство во внутренние дела другого государства с целью предотвратить нарушение его территориальной целостности. Современное международное право не допускает подобного вмешательства [5, с. 70–72]. При этом Кант, по всей видимости, отвергнул бы современное понятие «гуманитарных интервенций» [4, с. 47, 49], поскольку исходил из доктрины абсолютного, а не относительного суверенитета. Таким образом, основания для исключений из принципа невмешательства у Канта совсем не те, что предусматривает нынешний международный порядок.

Обе названные статьи (т. е. предв. ст. 2, 5), как представляется, логически предполагают территориальную целостность и нерушимость границ, хотя эти принципы также Кантом не названы.

Следует отметить также ряд частично совпадающих принципов.

Так, окончательная статья № 1 кантовского договора фактически отсылает к уважению прав человека, поскольку под республиканским правлением Кант имеет в виду правление, основанное на свободе и равенстве людей в условиях господства закона, разделения законодательной (представительной) и исполнительной власти, и противопоставляемое деспотизму. Философ высказывает мысли, сходные с популярным сегодня тезисом «демократии не воюют друг с другом», правда выражает эти мысли через понятие республики (надо признать, до него подобные Ш.-Л. Монтескье уже высказывал идею, что республики склонны объединяться в федерацию ради общей безопасности [6, с. 116–117]). Впрочем, уже во времена Канта надежды на миролюбивость республик таяли на глазах. Так или иначе, требование республики, с одной стороны, более строгое, чем современные принципы международного права, допускающие различные формы правления, если они защищают права человека, с другой стороны, это требование не учитывало

еще социально-экономических и культурных прав человека (реализация которых, к слову, также влияет на миролюбие общества). К правам человека отсылает, как представляется, и окончательная статья 3, комментируя которую, Кант отстаивает «право каждого чужестранца на то, чтобы тот, в чью страну он прибыл, не обращался с ним как с врагом» (здесь, говоря современным языком, мыслитель противопоставляет права человека и права гражданина).

В свою очередь предварительная статья 6 у Канта схожа с принципом международного сотрудничества и демонстрирует те реалии практики, которые делают этот принцип весьма актуальным (вопреки Ролзу, чья позиция основана на гипотетической ситуации). Кроме того, она схожа и с принципом № 6 у Ролза (см. далее), так как отсылает к необходимости международного гуманитарного права. Здесь надо сказать, что Кант и Ролз в рубрике основных принципов международного права говорят о правилах ведения войны, то есть фактически о международном гуманитарном праве, в то время как Устав ООН не возводит такие правила в статус основных принципов. Но если сегодня проблематика *jus ad bellum* затрагивается основными принципами международного права (недопустимость применения силы и угрозы силой, за исключением случаев самообороны, недопустимость вмешательства во внутренние дела государства и т. д.), то почему такой же статус не могут получить принципы *jus in bello*? Так или иначе, отметим, что в целом кантовская идея сохранения в ходе войны условий для будущего сотрудничества лишь частично совпадает с современной идеей международного сотрудничества.

Предварительная статья № 1, имеющая сходства с целями ООН (ст. 1 Устава) может быть истолкована, в том числе, как частный случай требования добросовестного исполнения международных обязательств. Но и здесь нельзя не заметить, что эта натянутая интерпретация возможна лишь потому, что сам Кант необоснованно считал временные «перемирия» логически противоречивыми, подразумевающими возможное нарушение обязательств.

Таким образом, уважение прав человека, обязанность международного сотрудничества и обязанность соблюдения договоров у Канта фактически не представлены. Его статьи представляют собой скорее условия, при которых государства с большей вероятностью будут исполнять данные обязанности (сами по себе обязанности исполнения обещаний

и оказания помощи Кантом признавались и подробно отстаивались на уровне индивидуальной этики [7, с. 84–86, 90–92]).

Предварительная статья № 3 имеет много общего с принципом неприменения силы и угрозы силой, но в некоторой части даже строже него: она требует радикального сокращения военной мощи, а не просто неприменения вооруженных сил. Комментируя предварительную статью № 6, Кант также указывает на ограничения, которые необходимы для того, чтобы войны не превратили человечество в гигантское кладбище, и сегодня Кант, конечно, был бы ярким противником оружия массового поражения.

Предварительная статья № 1 сходна с принципом мирного разрешения споров.

В целом же следует признать, что такие основные принципы международного права, как неприменение силы и угрозы силой, а также мирное разрешение споров у Канта представлены не в полной мере, так как философ фактически допускает постепенное завершение существующих войн. Мирная жизнь в отсутствие войн у него — это не требование, а цель договора о вечном мире.

Окончательная статья 2, которая имеет у Канта в качестве предписания, сегодня в международном праве, напротив, выступает как предпосылка, и ничто принципиально не ограничивает государства в возможности объединиться в нечто большее, чем ООН, а именно в единое государство, или в максимально интегрированное сообщество наподобие Евросоюза, и тогда предпосылка будет иной, что повлечет необходимость иных принципов международного права. Отрицание Кантом мировой республики встретило уже достаточно критики. Мы лишь отметим, что здесь наиболее ярко демонстрируется зависимость эволюции мысли от накопления исторического опыта.

Особо следует отметить такие статьи «вечного мира» по Канту, как отказ от постоянных армий и ограничения на государственные долги, которые не соответствуют содержанию основных принципов международного права. Высказываются предположения, что с учетом современных реалий первую из этих статей Кант изложил бы иначе, а от второй бы отказался как от бесполезной [8, с. 43].

Таким образом, и Кант, и современное международное право исходят из реалий враждующих государств и пытаются эти реалии изменить. Но для Канта некоторые основные принципы современного международного права (международное сотрудничество, соблюдение договоров, неприменение силы

и угрозы силой, мирное разрешение споров) были лишь целями предписаний, а не самими предписаниями.

Другой отличительной особенностью позиции Канта было то, что он не уделил большого внимания самоопределению народов, считая его лишь предпосылкой договора между народами, и не допуская вмешательства в процессы самоопределения, в то время как международное право возводит эту предпосылку в требование.

Кроме того, Кант вряд ли бы одобрил вмешательство в другие государства в целях защиты прав человека, поскольку считал, что мы не должны навязывать никому республиканское устройство. В целом, принцип уважения прав человека у Канта не фигурирует.

Одновременно некоторые требования кантовского «вечного мира» (отказ от постоянных армий, установление республиканской формы правления, и ограничения на государственные долги) более строгие, чем современное международное право.

Ролз и Устав ООН. В лекции «Право народов» (1993) Дж. Ролз делает попытку выработать принципы международного права («идеальную теорию»). Он разрабатывает эти принципы применительно к «хорошо установленному рациональному сообществу народов», в которое включает либеральные и иерархические общества, но исключает из него «тиранические и диктаторские режимы, а также экспансионистские государства» [9, с. 79, 98].

Под либеральными обществами Ролз понимает общества, которые признают и гарантируют перечень определенных основных прав и свобод, а также возможностей, и высокий приоритет этих основных прав и свобод (особенно по отношению к утилитаристским и перфекционистским требованиям), а также меры, гарантирующие всем гражданам адекватные и всеохватывающие средства для эффективного использования этих свобод [9, с. 84].

Под иерархическими обществами Ролз понимает общества, которые через «рациональную консультативную иерархию» уважают минимальный набор прав человека, принимают во внимание базовые интересы всех членов общества и потому легитимны в их глазах, кроме того, являются мирными и не стремятся к экспансии, однако при этом не являются либеральными, поскольку их основные общественные институты выражают определенную «концепцию блага» (представления о достойной жизни), а граждане не считаются свободными и равными и обладают правами лишь как члены некоторых групп.

Как представляется, разграничение либеральных и иерархических обществ несколько проблематично: не ясно, насколько неравными могут быть люди в иерархических обществах. Коротко, сущность разграничения либеральных и иерархических обществ у Ролза сводится к тому, что либеральные общества — это те, которые признают ролзовский первый принцип справедливости (принцип равных свобод), а иерархические общества — это те, которые его не признают.

Говоря о том, что оба типа обществ уважают основные права человека, Ролз имеет в виду право на жизнь и безопасность, включая средства к существованию, на свободу (от рабства, крепостничества и оккупации), на частную собственность; кроме того, автор называет «элементы правовых норм, так же как и право на определенную свободу совести и свободу собраний, право на эмиграцию», и наконец, «формальное равенство, выраженное нормами естественного права (конкретные случаи должны трактоваться подобно)» [9, с. 89–90, 93]. В критериях иерархического общества Ролз, в сущности, видит пределы терпимости. И хотя в международных нормативных правовых актах права человека понимаются значительно шире, далеко не всякое их нарушение со стороны государства влечет принятие ответных мер международным сообществом, а потому позиция Ролза не сильно отличается от международно-правовой практики.

Свою концепцию Ролз называет конструктивистской, поскольку она не стремится навязать некие всеобъемлющие универсальные ценности, а касается лишь сферы политики. Он предлагает нам представить «исходное положение», в котором представители рациональных и разумных народов стремятся выработать некие общие принципы путем «рефлексивного равновесия» (постепенного уточнения этих принципов на основе моральных интуиций). Данные представители действуют в рамках «занавеса неведения»: «они не знают, например, размер территории, или численность населения, или относительную мощь народов, чьи основные интересы они представляют» [9, с. 85]. Они, тем не менее, знают, что представляемые ими общества являются либеральными или иерархическими (весьма спорная, на наш взгляд, предпосылка).

В результате, по мнению Ролза, данные представители придут к следующему (не исчерпывающему) перечню принципов [9, с. 86]:

1. Народы (как организованные их правительствами) свободны и независимы, и их свобода и независимость должны уважаться другими народами.

2. Народы равны по их собственному соглашению.

3. Народы имеют право на самозащиту, но не имеют права на войну.

4. Народы должны соблюдать принцип невмешательства во внутренние дела государства.

5. Народы должны соблюдать договоры и обязательства.

6. Народы должны соблюдать определенные установленные ограничения по ведению войны (допускаемые в качестве самозащиты).

7. Народы обязаны соблюдать права человека.

Следует отметить, что в научной литературе раздаются громкие голоса противников не только взглядов Ролза, но и существующего мирового правопорядка, с тех позиций, что «исходное положение» в действительности (с учетом того, что бедность развивающихся стран обусловлена не только внутренними причинами, как это мыслил Ролз) влечет более эгалитарные принципы справедливости, подразумевающие, например, мировой налог на потребление ресурсов (Т. Погге [13]). Однако для целей нашего исследования мы предположим, что в условиях описанного Ролзом «исходного положения» стороны выбрали бы именно такие принципы, которые указал Ролз.

Сопоставляя данные принципы с основными принципами международного права, следует признать, что последние сформулированы на несколько иной основе.

Во-первых, предполагается, что они касаются всех наций, а не только либеральных и иерархических обществ.

Во-вторых, они приняты не в «завесе неведения», а в конкретных исторических обстоятельствах, и более того — в связи с этими обстоятельствами.

В-третьих, основные принципы международного права, по всей видимости, вытекают из определенной всеобъемлющей доктрины, поскольку в Уставе ООН подчеркивается, например, достоинство и ценность человеческой личности, а также необходимость содействовать экономическому и социальному прогрессу народов и улучшению условий жизни при большей свободе. Отсюда, хотя основные принципы международного права и распространяются на большее количество субъектов, но конкретным умозрением и фактической волей этих субъектов уже не связаны.

Проводя более конкретный анализ, легко установить, что, несмотря на то, что сформулированных Ролзом принципов всего семь, фактически их формулировки включают практически все основные принципы

международного права (кроме обязанности международного сотрудничества и права народов на самоопределение), и даже отчасти выходят за их пределы (устанавливая ограничения по ведению войны).

Так, практически полностью совпадают с ролзовскими следующие четыре основных принципа международного права: уважение прав человека и основных свобод (см. ролзовский принцип № 7), суверенное равенство государств (см. принципы № 1 и № 2), невмешательство во внутренние дела государств (принцип № 4), добросовестное выполнение международных обязательств (принцип № 5).

Конечно, при внимательном анализе можно найти отличия в том, как понимаются данные принципы в международном праве и у Ролза. Например, понимание прав человека у Ролза весьма узкое по сравнению с теми международными документами, которые посвящены правам человека (что связано как раз с тем, что Ролз не желает навязывать либеральную всеобъемлющую доктрину). Можно также обратить внимание на возможные отличия наций (государств), подписавших Устав ООН и другие международные документы, от народов (обществ) в смысле Ролза (последние — более широкие понятия [11, с. 75]). Но в целом мы видим здесь практически полное сходство идей.

В свою очередь, четыре других основных принципа международного права содержатся в формулировках Ролза имплицитно. Так, принцип неприменения силы и угрозы силой у Ролза выражен через принципы № 1, 2, 3, 4, принцип мирного разрешения споров находит выражение через принципы № 1, 3, 5 и 6, а принципы территориальной целостности и нерушимости границ государств вытекают из принципов № 3, 4, 6. Как видим, ключевую роль во всех случаях имеет принцип № 3 ролзовского списка, касающийся права на самозащиту и запрета агрессивной войны (он воплощен, в частности, в ст. 51 Устава ООН в виде права на индивидуальную и коллективную самооборону).

Однако другие основные принципы международного права, такие как самоопределение наций и обязанность международного сотрудничества, не так просто вывести из умозаключений Ролза. Рассмотрим их подробнее.

Что касается обязанности международного сотрудничества, то этот весьма уязвимый принцип у Ролза содержится в основном не в качестве обязанности, а в качестве предпосылки — общей для «хорошо организованных» народов цели, ради которой

разрабатывается право народов. Обязанностью у Ролза сотрудничество является только по отношению к «обремененным обществам» (т. е. обществам которые в силу различных причин — исторических, экономических и социальных — не могут достичь уровня стабильных правопорядков) которым Ролз предлагает оказывать всяческую ненасильственную поддержку (не обязательно финансовую) с целью учреждения базовых справедливых институтов и обеспечения их стабильности (т. е. для достижения уровня «хорошо упорядоченного» либерального или иерархического общества), но когда данная цель достигнута, у государств уже нет обязанности по поддержке. Таким образом, помощь нужна только для того, чтобы общество смогло стать членом сообщества народов, поскольку в основном стремление к сотрудничеству предполагается, а не предписывается. Исследователи отмечают, что цель сотрудничества членов ООН согласно Уставу ООН заключается как раз в том, чтобы «обеспечить им всем в совокупности права и преимущества, вытекающие из принадлежности к составу членов ООН» (ч. 2 ст. 2 Устава) [3, р. 72], поэтому взгляды Ролза отражают как минимум часть принципа международного сотрудничества (выраженную в т. ч. в ст. 43, 45, 73, 74, 76 Устава ООН).

Определяя предмет своего исследования как «право народов», Ролз проводит разграничение между народами и государствами, предполагая самоопределение субъектов в качестве предпосылки выработки этими субъектами общих принципов, а не самого принципа. Он также поясняет, право на самоопределение существует «только в слишком ограниченных рамках, чтобы быть установленным правом народов для общих случаев. Так, ни один народ не имеет права на самоопределение, или права на сецессию, ценой покорения другого народа; точно так же народ не может протестовать против своего осуждения мировым сообществом, в случае если его внутренние институты нарушают права человека для определенных меньшинств, живущих среди его граждан» (в исключительных случаях Ролз оправдывает гуманитарную интервенцию) [9, с. 86].

Существует также особенность, связанная с тем, что в свои семь принципов Ролз смог уместить один, который не содержится даже в десяти основных принципах международного права. Это принцип № 6, связанный с ограничениями в рамках *jus in bello*, которые сегодня воплощаются в рамках международного гуманитарного права.

Выводы

Вышеприведенный анализ показывает, что представления о справедливых принципах международного взаимодействия весьма схожи для эпохи Просвещения и для сегодняшнего дня. Вместе с тем, он вскрывает возможность различных перспектив. В первую очередь, принципы международного порядка будут отличаться в зависимости от того, ставим мы вопрос только о прекращении войн (Кант) или о справедливых взаимоотношениях в целом (Ролз). Кроме того, эти принципы будут зависеть от того, как мы определяем субъектов соответствующих отношений и обстоятельства, применительно к которым формулируются принципы. Например, будут эти принципы распространяться только на самоопределившиеся нации или также предусматривать условия права на самоопределение, будут они касаться только государств, минимально уважающих права человека, или также «государств-изгоев», будет мирное сосуществование рассматриваться как цель, ради которой формулируются данные принципы, или как условие, определяющее предмет регулирования, охватываемый этими принципами, и, наконец, будут принципы применяться в основном к государствам или же допускать формирование надгосударственных институтов (действительно, создание в будущем «мировой республики» или иного политического объединения, необходимость в котором вызвана глобальными потребностями и проблемами, может изменить и саму постановку проблемы). Все это показывает, что споры возможны не только относительно содержания тех или иных принципов, но и относительно предмета регулирования. С нашей точки зрения, вопросы

справедливости касаются самых различных ситуаций, поэтому теория международной справедливости не должна быть ограничена ни проблемой прекращения войн, ни субъектным составом (например, только либеральными и иерархическими обществами, или только самоопределившимися нациями, или только государствами).

Заключение

В заключение отметим, что, как представляется, одним из методов выработки принципов международной справедливости может стать ролзовская идея «исходного положения». Поскольку Ролз часто упрекали в том, что «исходное положение» у него вторично по отношению к методу «рефлексивного равновесия» (уравновешивания своих и чужих моральных интуиций в ходе размышлений и дискуссий) [11, с. 25, 48–49; 12, с. 148–149, 158–159], постольку и этот метод также может считаться базой для выработки принципов международного права. Вместе с тем, мы не должны забывать, что за государствами-нациями всегда стоят люди, а потому равноправие государств-наций обуславливается равной ценностью индивидов. Вот почему, как мы полагаем, сторонами в «исходном положении», пытающимися с помощью рефлексии найти равновесие между принципами международной справедливости и своими моральными интуициями, должны мыслиться индивиды как таковые, а не представители государств-наций. Это, в свою очередь, может открыть перспективу, которая выходит за пределы как идеи вечно мира Канта, так и права народов Ролза, и одновременно позволяет критически осмыслить основные принципы международного права.

Список источников

1. Хабермас Ю. Спор о прошлом и будущем международного права. Переход от национального к постнациональному контексту. // Вопросы философии. 2004. № 3. 12–18.
2. Кант И. К вечному миру. Соч. в 8 т. Т. 7. Москва, 1994.
3. Monazahian D. Vergleich der UNO-Charta mit Immanuel Kant's "Zum ewigen Frieden" und John Rawls "Das Recht der Völker". Hamburg, 2008. 114 p.
4. Йорг А., Хазе К. К актуальности труда Канта «к вечному миру» ввиду запрета на вмешательство в государственный и народный суверенитет // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3 (46). С. 45–51.
5. Толстых В. Л. Три идеи самоопределения в международном праве. // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). С. 65–72.
6. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. Москва : Мысль, 1999. 672 с.
7. Кант И. Основы метафизики нравственности. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 528 с.
8. Краузе И. Кант и его время: трактат «к вечному миру» на фоне французской революции и последующих войн // Кантовский сборник. 2013. № 1. С. 33–45.
9. Ролз Д. Право народов // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 79–105.
10. Потапова О. В. «Право народов» Джона Ролза и концепция справедливости в международных отношениях. // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 74–78.

11. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства. Москва, 1994. 319 с.
12. Кимлика У. Либеральное равенство // Современный либерализм. Москва, 1998. С. 138–190.
13. Pogge T. An Egalitarian Law of Peoples // Philosophy and Public Affairs, 1994. Vol. 23, No. 3. P. 195–224.

Дата поступления статьи / Received: 15.03.2022 / 29.05.2022.
Дата рецензирования статьи / Revised: 21.04.2022 / 05.06.2022.
Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 10.06.2022.
